

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ: РАСПАД ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ?¹

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изучение эволюции традиционного сознания в России является важнейшей задачей современной философской науки, и в частности социальной этики, так как российское общество сохраняет устойчивые признаки традиционного, консервативного социума. Возможность его модернизации во многом зависит от понимания базовых ценностей россиян и их динамики. Главной целью исследования является теоретическое изучение возможных «разрывов» в функционировании «матрицы традиционного сознания». *Материалы и методы.* Представленное социально-этическое исследование трансформаций традиционного сознания в России основывается на новом методологическом подходе, который получил название «матрица традиционного сознания». Этот подход был разработан при поддержке РГНФ для структурно-функционального анализа российского социума. Эмпирической базой исследования являются социологические данные Института социологии РАН, Левада-Центра, Института философии РАН, а также отдельные политологические анализы и психологические материалы Института психологии РАН. В качестве основных научных методов были использованы сравнительно-исторический метод, метод системного моделирования, а также метод социально-исторической реконструкции. *Результаты.* Социально-этический анализ трансформаций российского общества за последние 25 лет показывает, что при всей радикальности социально-экономических и политических изменений российское общество по-прежнему сохраняет свою традиционную структуру в виде авторитарной системы управления, т.е. матрицу. Вместе с тем революционные изменения последних десятилетий существенно ослабили господствующую властную «отеческую вертикаль», а вместе с ней и влияние государственной власти на жизнь большинства россиян. Это «ослабление» ведет к возможным «разрывам», т.е. кризисам в доверии и легитимности, в управлении страной. *Выводы.* Обнаруженный ценностный конфликт между «отеческой» и «материнской» вертикалями в структуре МТС показывает кризисное состояние российского социума, связанное, с одной стороны, с усложнением нормативно-ценностных установок россиян и, с другой стороны, с низкой эффективностью системы управления, не способной отвечать на новые социально-исторические вызовы.

Ключевые слова: матрица традиционного сознания, традиционные ценности, властная вертикаль, отечество, родина, народ, индивидуализация сознания.

A. G. Myasnikov

MODERN TRANSFORMATIONS OF TRADITIONAL THINKING IN RUSSIA: DESINTEGRATION OR RENEWAL?¹

Abstract. *Background.* The study of traditional thinking in Russia is one of the basic tasks of modern philosophy and social ethics as Russian society retains features of conservative, traditional socium. The very possibility of its modernization de-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Распад матрицы традиционного сознания в России: этико-философский анализ» № 12-03-00153. Печатается с сокращениями.

depends on the understanding of the Russians' basic values and their dynamics. The basic goal is to give theoretical evaluation to the "breaches" in the "matrix of the traditional thinking". *Materials and methods.* The investigation is based on a new methodological approach which is called "the matrix of traditional thinking". It was worked out by professor A. Myasnikov with the support of the RSSF for the purposes of functional and structural analysis of the Russian socium. The empirical basis are the data of the Institute of Sociology of RAS, Levada Centre, The Institute of Philosophy of RAS, and some politological tests and psychological materials of the Institute of Psychology of RAS. The basic methods are comparative historical method, system modeling, social and historical reconstruction. *Results.* Social-ethnic analysis of transformations of the Russian society for the recent 25 years shows that with the radical economic and political changes the Russian society retains its traditional structure of authoritarian government, i.e. matrix. The revolutionary changes of the recent years have weakened the predominant power "fatherly vertical axis" and with it the influence of the state power on the life of the Russians. This weakening leads to breaches in the form of crises of trust and legitimacy in the governing of the country. *Conclusions.* The highlighted conflict of values between the "motherly" and "fatherly" verticals in the structure of MTS shows a crisis of the Russian socium connected on the one hand with a complexity of values of the Russians and on the other side with a low efficiency of the system of administration not able to withstand the challenges of time.

Key words: matrix of the traditional consciousness, traditional values, imperious vertical, fatherland, homeland, people, consciousness individualization.

Вводная часть: методологические пояснения

В ходе исследования матрицы русского традиционного сознания мы ранее выяснили, что она обладает очень устойчивой структурой, которая способна противостоять различным внутренним и внешним разрушительным влияниям [1]. При этом наиболее «слабым» структурным основанием является так называемая «отеческая», или «властная», вертикаль, в которой возможны «разрывы» или радикальные ценностные изменения.

В соответствие со структурными особенностями (рис. 1) «властной вертикали» мы обнаружили два главных «разрыва».

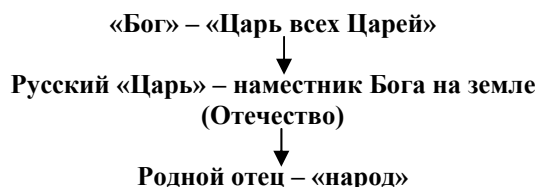

Рис. 1. Структура традиционной русской «властной вертикали»

Первый «разрыв» – между «народом и Царём», второй – между «Царём и Богом». Мы обращаем внимание на глубоко мистический характер веры русского народа в благое божественное всемогущество и своего идеального Царя-Спасителя. Без этой веры было практически невозможно выжить в условиях очень высокой неопределённости жизни в России (прежде всего природно-климатической и военно-политической).

Первый «разрыв» (между «народом и Царём») возможен в том случае, если народ заподозрит неподлинность царской власти («Царь не настоящий»), и это грозит временной смутой и приходом настоящего «Царя». Более

серьёзный вариант разрыва возможен при появлении принципиального недоверия со стороны народа к самому институту царской (самодержавной) власти, что собственно и произошло после отречения Николая II. Падение авторитета самодержавия могло компенсироваться только установлением выборных органов власти, которыми оказались «Советы народных депутатов». Отказ от «Царя» как высшего источника и символа верховной власти, т.е. высшей правды и справедливости на земле, – это существенное потрясение, ломка традиционного сознания, которую можно назвать началом «революции в способе мышления». Один лишь отказ от привычного высшего источника правды и справедливости может вести к полному нигилизму, к состоянию «без Царя в голове», которое приводит к деструкции, разрушению всего порядка жизни, разгулу страстей и человеческого произвола.

Для традиционного сознания, в котором доминируют мифологические стереотипы, тесно переплетённые с рационально-прагматическими жизненными установками, очень важно сохранить властную иерархию, т.е. чёткую систему господства и подчинения. Поэтому на смену «Царю», «Церкви» и «белогвардейцам» быстро пришли «Ленин», «Партия» и «красногвардейцы». Вертикаль властного принуждения была вновь выстроена.

Второй «разрыв» возможен в том случае, если ставится под сомнение божественное происхождение царской власти и правитель государства перестаёт мыслиться «наместником Бога на земле». Более радикальным способом этот разрыв достигается полным отрицанием существования Бога, или атеизмом. Этот «разрыв» является по существу результатом десакрализации власти, и первоначально он происходит в узких кругах интеллектуалов, а затем уже распространяется на большую часть общества.

Именно жёстко принудительный характер властных отношений порождает так называемую «внешнюю набожность», которая выражает внешнюю лояльность существующему государственному и политическому строю, хотя «внутренняя убеждённость» может быть религиозно нейтральной и даже материалистической. И как только возникает революционная ситуация (бунт, смута, переворот), в народном сознании происходит быстрый сдвиг – смена «внешних форм религиозности». Так, от господствующей, официальной набожности русский народ всего лишь за 10–15 лет массово перешёл к официальному, государственному атеизму (безбожию). Не менее интересен и недавний исторический факт: массовый переход россиян от официального атеизма к «внешней религиозной набожности» за те же 10–15 лет. Государственная поддержка религиозных институтов ускорила процесс рехристианизации и реисламизации российского общества опять же ради воссоздания властной вертикали и установления общественного порядка.

После методологических пояснений по поводу возможных трансформаций традиционного сознания в России мы переходим к социально-этическому анализу тех преобразований, которые произошли в российском обществе за последние 25 лет, начиная с «горбачёвской перестройки».

Структурный анализ революционной ситуации конца 80-х и начала 90-х гг. прошлого века

Поставленная нами задача предполагает осуществить философскую реконструкцию так называемой «советской властной вертикали» традиционно-

го сознания, которая была разрушена в 90-е гг. XX в. Процесс её разрушения оказался столь быстрым, что многие наши сограждане даже не заметили, как оказались в другой социально-экономической действительности, но с прежним сознанием.

Рассматривая недавно произошедшие исторические события, мы будем опираться на методологические основания, разработанные в ходе исследования матрицы русского традиционного сознания, а именно на понятие «разрывов» властной вертикали. В конкретно-исторических условиях эти «разрывы» проявляются в виде массового недоверия населения страны ключевым институтам власти и внутренней потребностью обновления сложившейся социально-политической системы (рис. 2).

Рис. 2. Структура советской властной вертикали

Итак, *первый «разрыв» советской властной вертикали* был вызван возросшим недоверием «советского народа» (прежде всего его активной, мыслящей части, т.е. интеллигенции) к «коммунистической партии» и самому советскому государственному строю, основанному на принципах уравнительной справедливости, казарменной одинаковости и политического единомыслия. Внешняя лояльность советскому строю вовсе не означала внутренней поддержки и личной убеждённости в «неизбежной победе коммунизма». К 1987 г. в советском обществе сложилось массовое недоверие официальной партийной пропаганде, и «народ» был внутренне готов к радикальной критике всего существующего строя, т.е. к «эпохе гласности». И когда в конце июня 1988 г. на XIX Всесоюзной партконференции начались громкие саморазоблачения и были приняты принципиальные решения по реформированию политической системы (с целью самоочищения партийных рядов), для советского общества это стало началом Смуты, началом крушения власти КПСС [2].

Второй «разрыв» не заставил себя долго ждать – это «разрыв» с прежней идеологией (советским марксизмом-ленинизмом). С 1989 г. началась резкая критика партийной идеологии, доходящая до огульного её отрицания. Информационный бум конца 1980-х гг. настолько потряс «закрытое» советское общество, что политические и экономические интересы ушли на задний план. «Гласность» и «свобода» настолько окрылили интеллигенцию и другие слои, что даже очереди и талоны на основные продукты питания не смущали население, а пробуждённые религиозные чувства вселяли надежду на то, что ведь «не хлебом единым...». Однако неизбежные экономические реформы в виде либерализации экономики, полукриминальной приватизации привели к резкому обнищанию большинства россиян, к страшному социально-экономическому расслоению общества. По мнению большинства обществоведов, российское общество до сих пор ещё не оправилось от страха перед экономическими реформами 1990-х гг., а потому не хочет никаких существенных изменений в экономической и политической сферах [3, 4].

Ценностные трансформации общественного сознания в России: итоги 20-летия реформ

Середина 1990-х гг.

Цивилизационный слом, или буржуазно-демократическая революция, начала 1990-х гг. привел к радикальному, быстрому отказу от прежней системы советских, коммунистических принципов и идеалов. Активная, образованная часть общества начала лихорадочный поиск новых ценностей: моральных, религиозных, политических, эстетических и других, а большая часть населения страны погрузилась в дикий капитализм с его разгулом страстей, личного произвола, полной бесконтрольности поведения. Традиционный советский человек, оставшийся без постоянного «внешнего пригляда» начал вести себя как типичный хулиган, знающий о своей безнаказанности. Сильнейшее чувство вседозволенности и бесконтрольности опьяняло многих сограждан и ввергало в пучину страстей, соблазнов, рискованных затей и вместе с тем давало опыт разочарований, скепсиса, отчаяния, недоверия и страха. Мы не ставим перед собой задачу детально описать умонастроения людей той недавней эпохи, нам важны общие и существенные изменения, произошедшие в массовом сознании, а также последующая динамика этих изменений в начале нового века.

Социологические исследования, проведенные Институтом социологии РАН с 1993 по 1995 г., показали существенную трансформацию массового сознания россиян, связанную с отходом от авторитарных установок и внешних зависимостей к самостоятельному, автономному образу мыслей и жизни [5]. Ключевой социально-этической ценностью в этот период признавалась **свобода**, сознаваемая россиянами как «возможность быть самому себе хозяином», т.е. как личная независимость от любого внешнего принуждения, как возможность «жить по своей воле». Такое понимание свободы вполне характерно для постфеодального состояния общества, когда для человека главное – вырваться из «неволи» (рабства), из множества внешних зависимостей, которые долгое время сковывали частный интерес и не позволяли реализовать собственные жизненные цели [6].

Свобода как «воля» очень близка к произволу и беззаконию, а это значит, что «моя воля» противостоит волеям других людей и может с ними не считаться. Такое морально-психологическое состояние человека, по сути, не признаёт правовые отношения с другими людьми и ведёт к атомизации общества. Не случайно в России после революционных событий быстро распространялись анархические надежды и мечтания, которые выражали идею «воли» как отсутствия ограничений, т.е. негативной свободы.

Отечественные социологи отмечают, что «это единственно возможная реакция нормального человека на его зависимость от огромного бюрократического аппарата и многих политиков, во имя своих собственных интересов ведущих игру, ставкой которой является будущее народа, реакция на невозможность повлиять на ход этой игры, на отсутствие нормальной законодательной базы жизнедеятельности общества» [5, с. 85]. В рамках деспотической властной вертикали в России столетиями формировалась отчуждённость «народа» от «Власти», порождая недоверие к институтам государственного управления (по принципу «мы» и «они»).

Социально-политическая отчуждённость, понимаемая в качестве невозможности оказывать влияние на принятие политических, любых властных решений, порождает не только недоверие к власти как таковой, но и недоверие собственному разуму. Срабатывает привычка подчиняться, исполнять чужой приказ, чужую волю (типа «приедет барин и всех рассудит»), и, как следствие, формируется недоверие своим собственным суждениям. По итогам опросов только 20 % респондентов высказали убеждённость в своих мнениях. Это недоверие своему разуму всегда усиливалось малообразованностью большинства россиян, отсутствием массовой культуры логического, рационального мышления, которое заменялось иррационально-религиозными, мистическими представлениями о жизни, и прежде всего о происхождении и функционировании «Власти».

Удивительной особенностью постфеодального общественного сознания является возможность совмещения явно анархических жизненных установок и целей с патерналистскими ожиданиями помощи со стороны государства. Попробуем объяснить эту парадоксальность. Атомизированные индивиды, не уверенные в себе и ориентированные только на свой частный интерес, не хотят, а то и не могут, договориться между собой о решении общезначимых проблем [7]. Социально-этическая установка «моя хата с краю...» естественным образом порождает потребность в некотором посреднике между разобщёнными индивидами, который бы взял на себя ответственность за решение общих задач. Таким посредником обычно оказывается государство, а тем более в условиях массового взаимного недоверия граждан друг другу, государство становится единственным арбитром, к которому можно обращаться и что-то от него требовать.

Однако самое удивительное в том, что на государство ещё и возлагается ответственность за решение частных проблем атомизировавшихся индивидов. Как утверждают наши социологи, процент патерналистски настроенных россиян к 1996 г. был сравнительно не высок – около 30 %, а уже через 10 лет возрос почти до 60 %. Нас настораживает не только резкий скачок патерналистских настроений россиян за 10 лет, но и противоречивость социологических показателей 1996 г.

Ярким примером может служить негативное отношение 96 % опрошенных россиян к «ценности власти». В дополнение к этому 90 % респондентов предпочли ценность спокойной совести, душевной гармонии, дружбы и семейного благополучия. Это явная аполитичность настроений показывает склонность именно к патерналистскому мировосприятию и образу жизни. Нежелание абсолютного большинства россиян ценить *власть как ответственность за других и возможность влиять на других* является свидетельством сохранения традиционных (почти феодальных) установок массового сознания, которые очень выгодны для деспотической и авторитарной власти. Например, мнение, что власть – это грязное, бесчестное занятие, которое портит человека, а потому лучше от неё держаться подальше. В то же время, как отмечают социологи ИС РАН, «самым распространённым в 1995 году негативным чувством, которое испытывали россияне, было чувство стыда за нынешнее состояние своей страны», и при этом 70 % россиян были согласны с утверждением, что «России нужна сильная личность, которая сумеет навести порядок в стране» [5, с. 106]. Таким образом, большинство россиян были готовы к тому, чтобы возложить ответственность за свои и общие проблемы

на «Власть» в лице лидера государства и тем самым снять с себя ответственность за свою жизнь, здоровье, благополучие, социальную справедливость и др. В массовом сознании сохранялась наивная (религиозно-мифологическая) надежда на «доброе и справедливое царя», который решит **все наши** проблемы и **вернёт нам чувство гордости за свою страну**. Это патриархальное мифологическое чувство воспитывалось в россиянах веками, и отказаться от него за десять или двадцать лет вряд ли удастся.

Подводя первый итог нашему социально-этическому рассмотрению трансформаций массового сознания россиян в начале 90-х гг. прошлого века, мы можем отметить, что в этот период произошла небольшая подвижка традиционных, коллективистских устоев общества в сторону индивидуализации, а точнее атомизации, но так как «горизонтальные» связи между распавшимися индивидами не были сформированы на морально-правовых основаниях, то их заменили сначала неправовые отношения (кланово-криминальные), а затем отношения властного подчинения той самой новой «властной вертикали», на которую уповали россияне.

2005–2012 гг.: новая «вертикаль власти» и переоценка ценностей

Первые десятилетия XXI в. войдут в историю России как «путинская эпоха». В. В. Путин точно уловил господствующие в обществе патерналистские, авторитарные настроения и смог за пять лет президентства стать настоящим лидером нации, точнее «Отцом Отечества». Казалось бы, с усилением роли государства во всех общественных сферах жизнь большинства россиян должна налаживаться, негативные настроения должны уменьшаться и общество в целом должно начать «выздоровливать» после «лихих 90-х». Но не так всё просто, как хотелось бы. По данным Института психологии РАН морально-психологическая деградация российского общества не только продолжилась, но и усилилась к концу первого десятилетия нового века [8]. На основе комплексного анализа группа исследователей под руководством заместителя директора Института психологии РАН А. В. Юревича определила моральный уровень российского общества первого десятилетия XX в. как «моральную деградацию».

В начале второго десятилетия нового века этот процесс продолжается и вызывает большую тревогу у политиков, учёных и обычных граждан. Как отмечает в своей статье А. В. Юревич, главной причиной моральной деградации постсоветского общества является «общее ослабление контроля за поведением граждан» [8, с. 73]. «Советский народ» как буйный подросток остался без «внешнего пригляда» и почувствовал полную свободу – вседозволенность. Для традиционного сознания бесконтрольность – это страшное состояние и в то же время захватывающее испытание (величайший соблазн делать то, что хочется, и особенно то, что прежде было запрещено). Такое испытание «запретным плодом» связано с многочисленными страданиями и вместе с тем с ранее не известными удовольствиями, новыми возможностями и одновременно большими потерями. Конечно, отрезвление и взросление наступает со временем, но не так быстро, как хотелось бы. Оно начинается с выработки культуры самоконтроля, самостоятельного осмысления своих жизненных целей и путей их достижения. Конечно, можно частично согласиться с мнением профессора А. В. Юревича о недостатке внешнего контроля

за гражданами России, но нужно учитывать, что советские институты общественного контроля имели гипертрофированный характер, они полностью подчиняли личную (частную) жизнь человека общегосударственным целям и задачам. Поэтому они сразу же «умерли», как только перестала существовать советская партийно-государственная система. Механически воссоздать подобные институты «внешнего пригляда» вряд ли получится в современных условиях, так как для этого требуется огромная творческая работа, и прежде всего внутренняя, рационально-нравственная деятельность по выработке собственных жизненных принципов и идеалов.

А. В. Юревич очень точно отмечает важный социально-психологический факт: «Перманентное ощущение безнравственности, враждебности и агрессивности окружающей среды вызывает у человека стресс, апатию, депрессию и т.п., в свою очередь порождающие психические расстройства, заболевания нервной системы, сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные и прочие болезни» [8, с. 75]. Это настоящая беда постсоветского общества и не только в России, но и в других бывших социалистических странах. На наш взгляд, дело здесь в том, что россияне привыкли осуждать других (типа «люди бессовестные стали», «все врут» или «все воруют» и т.п.) и постоянно соотносить своё личное поведение с поведением окружающих. А отсюда следует: «Если все врут, значит, и мне можно»; «если все воруют, а чем я хуже». Такие мировоззренческие установки свидетельствуют о несамостоятельном моральном сознании россиян, а именно о характерном коллективистском образе мыслей. Поэтому вполне закономерно, что «падение нравов» будет вести и к физическому саморазрушению общества, которое имеет отношение к небольшой части населения России, а большинство россиян пытаются выжить в новых условиях всеми возможными способами, одним из которых является *коррупция*. До сих пор она является быстрым и эффективным средством достижения личного материального благополучия. Но в последние годы коррупция в высших эшелонах российской власти становится слишком вопиющей – откровенно наглой и вызывающей массовое возмущение. Так, по данным Института социологии РАН в 2011 г. абсолютное большинство россиян считают, что главными идеями модернизации страны должны стать «равенство всех перед законом, соблюдение гарантированных Конституцией прав человека» и «жесткая борьба с коррупцией» [9]. Явно негативное отношение к коррупции и признание верховенства закона является важным показателем «взросления» российского общества, началом его **моральной консолидации по правовым основаниям**. Логично предположить, что такое общественное недовольство должно привести к самоочищению властной вертикали и её постепенной трансформации от авторитарно-идеологической системы принуждения к формально-правовой системе общественной справедливости [10].

В исследовании известного социолога Н. Е. Тихоновой отмечается важная социально-этическая тенденция: «...в России постепенно растёт понимание роли и значимости эффективного законодательства в жизни общества – если в 2004 г. лишь 39 % населения считали, что для России хорошие законы важнее хороших руководителей, то в 2010 г. таковых было уже 48 %. Учитывая, что речь идёт о сравнительно коротком периоде, такой рост понимания значимости институциональных, а не персональных факторов развития свидетельствует о достаточно быстрой перестройке сознания в данной облас-

ти» [9, с. 21–22]. Эта существенная трансформация массового сознания показывает, что российское общество способно к активному переосмыслению и практическому преобразованию своих базовых ценностных понятий, таких как «свобода», «равенство» и «справедливость». Активная и образованная часть общества уже не принимает *свободу* как волю или личный произвол («вольницу»), *равенство* как одинаковость всех в мышлении и образе жизни и зависимость всех от единого центра власти и *справедливость* как уравнительное распределение материальных благ [11]. Изменение смыслового содержания этих базовых ценностных понятий является важным условием буржуазно-демократического развития российского общества. При этом основополагающим будет понятие «свобода», так как оно аккумулирует в себе основные модели человеческого поведения. Если традиционное российское понятие *свободы* включало два основных аспекта – «волю» и «внутренний покой», которые выражали именно внутренние аспекты свободы как личной независимости от внешнего мира, то такая свобода не претендует на внешнюю общезначимость и формальную законосообразность, она будет глубоко личной, интимной и мистически окрашенной. Эта внутренняя потребность в абсолютной свободе («когда каждый делает лишь то, что хочет и с чем согласен») будет явно диссонировать с внешней несвободой человека, сомножеством природных и социальных ограничений. Это противоречие порождает опасную социально-этическую иллюзию *несвободы и несчастья*, преодолеть которую очень непросто [12, 13]. Эта иллюзия порождает ментальную установку (комплекс) бессилия человека в этом мире, согласно которой – «от меня ничего не зависит», всё решается кем-то и где-то наверху. Это типично традиционалистская (патерналистская) установка, которая выражает интерес господствующей властной вертикали принуждения в повиновении и послушании «народа». Современные социологи констатируют, что почти 80 % россиян «не верят в то, что в сложившихся в России институциональных условиях от них что-то зависит» [9]. И это не только закономерная социально-психологическая реакция на жесточайшие экономические реформы 1990-х гг., как полагают многие обществоведы, но и следствие веками господствовавших в России патерналистских принципов государственного управления.

Так, согласно результатам социологических исследований группы Р. Инглхарта, российское общество относится к типам традиционных обществ, нацеленных на выживание в рамках жёсткой государственной системы, которая позволяет деспотически мобилизовать ограниченные ресурсы и противостоять неблагоприятным природно-климатическим факторам и военно-политическим угрозам [14]. В российских условиях сильная зависимость населения от центральной государственной власти идеологически подкреплялась, оправдывалась религиозно-мистическими аргументами РПЦ о божественном назначении земной Власти. Начиная с 2000-х гг. Русская православная церковь активно поддерживает консервативные социально-политические тенденции в российском обществе, тем самым укрепляя традиционную властную вертикаль и патерналистские настроения большинства россиян. Как отмечает руководитель Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) при Научно-исследовательском университете «Высшая школа экономики» Э. Д. Понарин, российское общество до сих пор испытывает сильнейший посттравматический синдром после цивилизационной

катастрофы 1990-х гг. Но если большинство стран, которые пережили подобные изменения, начали движение вперёд к совершенствованию и развитию социокультурной сферы, к рационализации и демократизации общественной жизни, то в российском обществе до сих пор продолжается «движение вниз» – возврат к традиционным, консервативным, религиозным ценностям [15].

Усиление церковного влияния на общество в начале нового столетия является важнейшим инструментом сохранения и укрепления традиционной российской «вертикали власти», так как традиционное религиозное сознание укрепляет прежде всего патерналистские установки, усиливает веру в могущество государственной власти и смещает жизненные интересы из реальных проблем экономики и политики в сферу идеально-мистическую.

Конфликты «вертикалей» как угроза разрушения Матрицы

Современное состояние российского общества, на наш взгляд, впервые обнаруживает очень интересное и вместе с тем очень опасное противоречие внутри матрицы традиционного сознания – это противоречие или конфликт между «материнской» и «отеческой» вертикалями. До начала XXI в. такого конфликта нельзя было представить, так как интересы обеих вертикалей были едины, подчинены общему религиозному или метафизическому смыслу. Но в начале нового века, в условиях демократизации общественной жизни, интенсивной глобализации и секуляризации духовно-нравственных ценностей, значительная часть россиян проявляет явное недоверие «отеческой вертикали» принуждения и сосредотачивается на «материнской вертикали» любви-заботы о себе и своих близких. Ярким выражением этого конфликта является противопоставление любимой «Родины» и неприятного «Отечества-государства». Этот конфликт усиливается тотальной коррупцией в органах высшей государственной власти и резким социально-экономическим расслоением, вызывая не только недоверие к власти со стороны общества, но и явное нежелание жить в стране и трудиться на общее благо. По данным социологических исследований 2011 г. значительная часть молодых людей в возрасте до 25 лет (около 25 %) хотят уехать из России насовсем, а около 40 % трудоспособного населения хотели бы уехать на «заработки» [16]. Эти цифры, приведённые в аналитическом докладе Института социологии РАН, говорят о неблагоприятной социально-экономической ситуации в стране и потере общезначимых ценностных ориентиров. Пробужденный в начале 1990-х гг. частный интерес стал главным мотивом деятельности большинства россиян, а как следствие, он ослабил интерес к общегосударственным целям, к патриотичному служению великому Отечеству и, по сути, поставил под сомнение безусловную и абсолютную значимость государства. Этот процесс ведёт к ослаблению самой «отеческой вертикали», поэтому не случайно в последние десять лет наблюдается намеренное сокращение мелкого и среднего бизнеса, который непосредственно выражает «частный интерес» граждан.

Такое искусственное подавление «конфликта вертикалей» со стороны авторитарного государства ведёт к более сложным проблемам внутри самой властной вертикали и внутри самого государства. Так, в самой отеческой властной вертикали возникает внутреннее противоречие между собственными политико-идеологическими (авторитарными) интересами и растущими социально-экономическими (рациональными) потребностями общества и требо-

ваниями мировой экономики. Об этом очень точно недавно написал американский политолог Леон Арон в статье «Самоограничение власти», где он указал на нарастающее в России противоречие между «внутренним прогрессом (благополучием и свободой) и империей» [17]. Традиционное стремление российской власти сохранить огромное централизованное государство или империю требует открытого конфликта с нарождающимся гражданским обществом и с мировым сообществом, заинтересованным в открытости и демократичности российского общества и государства. Таким образом, вопрос о том, способна ли матрица традиционного сознания к обновлению, пока остаётся открытым. Конечно, хотелось бы надеяться на такую способность самих россиян, но пока 60 % остаются приверженцами традиционализма, а значит, сторонниками сильной централизованной государственности. При этом не следует недооценивать активное меньшинство, реально заинтересованное в модернизации государства и общества. Смогут ли центральная и региональная власти найти с ними компромисс и привлечь их энергию, знания и опыт для позитивной деятельности? Это ключевой вопрос, от которого будет зависеть направленность и темпы трансформации традиционного сознания в России.

Вывод: отвечая на вопрос, поставленный в названии статьи, мы можем утверждать, что традиционное сознание в России переживает сложный, противоречивый процесс обновления, схожий с реставрацией, инициатором которого является сама властная вертикаль.

Список литературы

1. **Мясников, А. Г.** Матрица традиционного сознания как предмет социально-этического исследования / А. Г. Мясников, Л. Н. Мешкова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 101–106.
2. **Доброхотов, Л. Н.** Несостоявшаяся попытка реформирования КПСС. Политические партии России: история и современность / Л. Н. Доброхотов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 521–540 (глава XXVI).
3. **Бусыгина, И. М.** Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски / И. М. Бусыгина, М. В. Филиппов. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2012. – С. 10–11.
4. **Castells, M.** The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. – Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 2004. – V. II. – 461 p.
5. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов / рук. М. К. Горшков // Мир России. – 1996. – № 4. – С. 75–116.
6. **Schwartz, S. H.** Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences / S. H. Schwartz. – Moscow : State University – Higher School of Economics Press, 2008. – P. 12–16.
7. **Глинчикова, А. Г.** Частная собственность и общественный интерес – дилемма России / А. Г. Глинчикова // Вопросы философии. – 2011. – № 3. – С. 3–11.
8. **Юревич, А. В.** Нравственное состояние современного российского общества / А. В. Юревич // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 70–79.
9. **Тихонова, Н. Е.** Динамика ценностно-нормативных систем россиян и перспективы модернизационного проекта / Н. Е. Тихонова // Вестник Института социологии РАН. – 2011. – № 3. – С. 13.
10. **Inglehart, R.** Development, freedom, and rising happiness / R. Inglehart, R. Foa, C. Peterson, C. Welzel // Perspective on Psychological Science. – 2008. – № 3. – P. 264–285.

11. Магун, В. С. Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами : препринт WP6/2010/03 / В. С. Магун. – М. : Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2010. – 52 с.
12. Мясников, А. Г. Философское принуждение к свободе / А. Г. Мясников // «...из Пензы в Москву и обратно»: современная философская публицистика. – Пенза : ПГПУ, 2012. – С. 264–265.
13. Honneth, A. Die soziale Dynamik der Mi.achtung. Zur Ortsbestimmung einer kritischen Gesellschaftstheorie / A. Honneth // Das Andere der Gerechtigkeit. – Frankfurt ; M. : Suhrkamp, 2000. – S. 97–98.
14. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцер. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
15. Понарин, Э. Д. О счастье в России и за рубежом в свете теории модернизации : доклад 26 ноября 2012 г. / Э. Д. Понарин // Запись заседания социологического клуба IABC/Russia от 26 ноября 2012 г. – URL: http://www.communicators.ru/news/newsiabc/2012/12/18/stwn_o_schastie
16. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : аналитический доклад / под ред. М. К. Горшкова. – М. : ИС РАН, 2011. – 304 с. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
17. Арон, Л. Самоограничение власти. О моральном и личностном выборе при построении новой российской государственности / Л. Арон // Независимая газета. – 2012. – 28 ноября. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-11-28/5_selfrestriction.html

References

1. Myasnikov A. G., Meshkova L. N. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of PGPU named after V. G. Belinsky. Humanities]. 2012, no. 27, pp. 101–106.
2. Dobrokhoto L. N. *Nesostoyavshayasya popytka reformirovaniya KPSS. Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'* [Frustrated attempt of CPSU reformation. Political parties of Russia: history and modern times]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000, pp. 521–540 (chap. XXVI).
3. Busygina I. M., Filippov M. V. *Politicheskaya modernizatsiya gosudarstva v Rossii: neobkhodimost', napravleniya, izderzhki, riski* [State political modernization in Russia: necessity, directions, expenses, risks]. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2012, pp. 10–11.
4. Castells M. *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2004, vol. II, 461 p.
5. Gorshkov M. K. *Mir Rossii* [World of Russia]. 1996, no. 4, pp. 75–116.
6. Schwartz S. H. *Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences*. Moscow: State University – Higher School of Economics Press, 2008, pp. 12–16.
7. Glinchikova A. G. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 2011, no. 3, pp. 3–11.
8. Yurevich A. V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2009, no. 10, pp. 70–79.
9. Tikhonova N. E. *Vestnik Instituta sotsiologii RAN*. [Bulletin of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences]. 2011, no. 3, p. 13.
10. Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. *Perspective on Psychological Science*. 2008, no. 3, pp. 264–285.
11. Magun V. S. *Bazovye tsennosti – 2008: skhodstva i razlichiya mezhdu rossiyanami i drugimi evropeytsami: preprint WP6/2010/03* [Fundamental values – 2008: affinity and difference between Russians and other European people: WP6/2010/03 preprint]. Moscow: Gos. un-t – Vysshaya shkola ekonomiki, 2010, 52 p.
12. Myasnikov A. G. «...iz Penzy v Moskvu i obratno»: *sovremennaya filosofskaya publistika* [... from Penza to Moscow and back: modern philosophical social and political essays] Penza: PGPU, 2012, pp. 264–265.

13. Honneth A. *Das Andere der Gerechtigkeit* [Other justice]. Frankfurt; Moscow: Suhrkamp, 2000, pp. 97–98.
14. Ingkhard R., Vel'tser K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural changes and democracy. Sequence of humand development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011, 464 p.
15. Ponarin E. D. *Zapis' zasedaniya sotsiologicheskogo kluba IABC/Russia ot 26 noyabrya 2012 g.* [Report of the IABC/Russia sociological club meeting from 26th November 2012]. Available at: http://www.communicators.ru/news/newsiabc/2012/12/18/stwn_o_schastie
16. *Dvadtsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov): analiticheskiy doklad.* [Twenty years of reforms through the eyes of Russian people (experience of long-term sociological observation)]. Ed. M. K. Gorshkov. Moscow: IS RAN, 2011, 304 p. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
17. Aron L. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper]. 2012, 28 november. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2012-11-28/5_selfrestriction.html

Мясников Андрей Геннадьевич

доктор философских наук, доцент,
кафедра методологии науки,
социальных теорий и технологий,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: myasnikov-g@mail.ru

Myasnikov Andrey Gennad'evich

Doctor of philosophy, associate professor,
sub-department of methodology of science,
social theories and technologies,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 172

Мясников, А. Г.

Современные трансформации традиционного сознания в России: распад или обновление? / А. Г. Мясников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 43–55.